

Андрей Дмитриевич Адо
1909 — 1997

КАЗАНСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕНТЯБРЬ
ОКТАБРЬ
1998

5

ТОМ
LXXIX

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ТАТАРСТАНА,
СОВЕТА НАУЧНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ОБЩЕСТВ ТАТАРСТАНА И
КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 616—092:092 Адо

АКАДЕМИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ МЕДИЦИНСКИХ НАУК АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ АДО

26 октября 1997 г. не стало Андрея Дмитриевича Адо, нашего Учителя в самом лучшем смысле этого слова. Истинный учитель не тот, кто учит, а тот, у кого можно научиться. У Андрея Дмитриевича можно было многому научиться — как ученый, педагог, мыслитель, философ он с готовностью отдавал свои знания, мысли, идеи всем, кто хотел их найти. Со смертью академика А.Д. Адо закатилась одна из последних ярких звезд, взошедших в Казани и долго сиявших на медицинском небосклоне в XX веке.

Казанской научной школе принадлежит честь крупнейших открытий в самых различных областях науки, в том числе общей биологии, физиологии и медицине. Они связаны с именами таких выдающихся ученых, как К.Ф. Фукс, А.Я. Данилевский, Е.Ф. Аристов, Н.О. Ковалевский, А.Ф. Самойлов, С.С. Зимницкий, Н.А. Миславский, В.А. Энгельгардт, А.В. Вишневский, В.М. Бехтерев, А.В. Кибяков, А.А. Баев, А.Д. Адо и многие другие.

Стать ученым Андрею Дмитриевичу было “на роду написано”. Он родился не просто в профессорской семье: это была семья интеллектуалов. Отец — Дмитрий Иванович Адо — был талантливым биологом и оригинальным педагогом, к несчастью, рано потерявшим

здоровье и отошедшим от науки. Мать Андрея Дмитриевича — Инна Николаевна — дочь всемирно известного ученого физиолога Николая Александровича Миславского, от природы умная и образованная женщина, знавшая европейские языки, научила им и своих сыновей. Андрей Дмитриевич свободно владел французским, немецким и английским языками. Младший брат Андрея Дмитриевича — Игорь Дмитриевич — был выдающимся математиком, получившим степень доктора наук при защите кандидатской диссертации.

Дом Миславских был открыт для всех мыслящих людей. В нем постоянно собирались, дискутировали, обсуждали последние научные новости ученики и сотрудники Николая Александровича и все, кому было интересно биение научной мысли. Проникался научными интересами среди них и будущий академик, а пока мальчишка Адя. Первые свои эксперименты он провел в голубятне дома Кекина, где его ровесники, 10—12-летние мальчишки, гоняли голубей. Он же уговорил их посмотреть, как голуби будут переносить гипотермию в разных условиях — бодрствующие и усыпленные. В школе он организовал живой уголок, где занимался изучением анабиоза — замораживал и оттаивал лягушек. Видимо, это были первые рост-

ки интереса к той важнейшей проблеме медицинской науки, которая красной нитью пройдет через всю жизнь Андрея Дмитриевича, а именно к проблеме реактивности в самых разнообразных формах ее проявления на клеточном и органном уровнях, организма в целом, механизмов ее нервной и гуморальной регуляции. Так что ко времени появления в 1929 г. в Казани молодого профессора-патофизиолога Николая Николаевича Сиротинина, очень деятельного и переполненного всевозможными идеями, интересующегося в том числе и проблемами реактивности, студент 3-го курса медицинского факультета университета Адо был готов с головой окунуться в ту бурную деятельность, которую развил Николай Николаевич во возрождаемой им кафедре патофизиологии.

Как-то слушая в студенческом научном кружке доклад студента Адо, профессор предложил ему работать у него на кафедре препаратом. С этого момента А.Д. Адо стал учеником и сотрудником Н.Н. Сиротинина, что определило потом надолго их деловые и дружеские взаимоотношения. Организация на новом месте кафедры, заботы о ее оборудовании, практические занятия со студентами, помощь профессору на лекции настолько увлекли Андрея Дмитриевича, что он буквально с утра до вечера пропадал в лаборатории.

Профессор любил своего юного ученика за блеск ума и остроту языка, быстрое выполнение различных поручений и научных экспериментов, точность оценки их результатов. Их дружба длилась всю жизнь и осталась ничем не омраченной. Действительно, у Андрея Дмитриевича все получалось быстро и хорошо — окончив в 1931 г. университет, через 4 года он становится кандидатом медицинских наук. Ученая степень ему присваивается по совокупности статей, опубликованных в русской (8 статей в научных журналах) и зарубежной печати (*Zeitschr. Exper. Med.*, 1931, 1932). В то время публикации за рубежом еще не считались прегрешением. В 1938 г. он получает степень доктора наук и становится самым молодым заведующим кафедрой в институте, настолько моло-

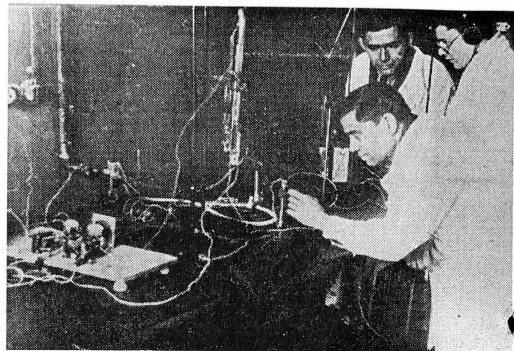

Рис. 1. Адо А.Д. со своими коллегами в лаборатории. Впереди М. А. Ерзин. Сзади слева направо: А.И. Малинин и А.Д. Адо. Казань, 40-е годы.

дым, что его первые аспиранты были почти его ровесниками (М.А. Ерзин, М.И. Ундрицов). Его бьющая через край кипучая энергия, блестящая научная эрудиция и в то же время доступность и простота в общении привлекали к нему молодежь. Идеи, а отсюда и интересных тем у Андрея Дмитриевича всегда было больше, чем рук, которые могли бы претворить их в жизнь. Особенно это было ощутимо в военные годы. Поэтому он сам искал, призывал, привлекал к себе перспективных работников. Чего греха таить, среди лиц, появившихся в ту пору на кафедрах и в лабораториях, попадались и такие, которым была нужна только диссертательная тема для получения ученой степени. А у Андрея Дмитриевича все темы были диссертательными. Получив ученую степень, эти люди переставали заниматься наукой и по-своему эксплуатировали свое научное звание. Большинство же молодых ученых заражались одержимостью, исходящей от своего шефа и, включившись в ритм его работы, начинали заниматься научными исследованиями также заинтересованно и интенсивно.

С началом Великой Отечественной войны в 1941 г. научная работа несколько затихла — были призваны в армию молодые мужчины ассистенты и аспиранты (М.А. Ерзин, М.И. Ундрицов, А.М. Хомяков, М.М. Смык и др.). Студенты-старшекурсники — потенциальные аспиранты — тоже ушли на фронт, а студентов младших курсов мобилизовали на строительство оборонных сооружений, лесо-

повал, сельхозработы, в госпитали. Я уже упоминала, что Андрей Дмитриевич умел привлекать к себе энтузиастов-добровольцев. Среди них были самые разные специалисты — терапевты, хирурги, инфекционисты, травматологи, микробиологи, эпидемиологи, химики и просто практические врачи, а также студенты-кружковцы. Наиболее активно работавшие тогда кружковцы и стали впоследствии ведущими учеными Казани, руководителями кафедр и лабораторий: среди них профессора И.М. Рахматуллин, Т.Б. Толпегина, Д.М. Зубаиров, Д.К. Баширова и другие.

В конце 1941-го года в Казань была эвакуирована часть Павловского института высшей нервной деятельности во главе с академиком Л.А. Орбели. Они привезли с собой знаменитого шимпанзе Рафаэля. Его подруга шимпанзе Роза погибла еще в начале блокады в Ленинграде. Андрей Дмитриевич предоставил “жилье” Рафаэлю — ему была отдана одна из комнат на кафедре (ул. Толстого, 6/30). Он сидел там в громадной клетке, куда имел вход только проф. Аствацатуров. Каждое утро в клетку несли спецзавтрак — дымящуюся рисовую кашу, молоко, белый хлеб, фрукты. Можно только вообразить, как текли слюнки у полуголодных лаборанток при виде этого обезьяньего пиршества, но Рафаэль прожил недолго. Его труп препарировал сам заведующий кафедрой анатомии проф. В.Н. Терновский, и под его руководством было сделано чучело Рафаэля, долгое время стоявшее в музее кафедры анатомии (впоследствии гипсовая скульптура и скелет). С приездом ленинградцев быстро возникли тесные контакты со всеми сотрудниками Л.А. Орбели и начались совместные эксперименты, устраивались общие конференции, куда приглашали и студентов-кружковцев. Нам было интересно слушать дискуссии таких выдающихся ученых, как Л.А. Орбели, А.И. Абрикосов, А.Г. Гинецинский, А.Д. Адо, А.В. Кибяков и др.

Невзирая на трудности военного времени, работа на кафедре и в лабораториях (в КИЭМЕ, Институте ортопедии и травматологии, которыми также ру-

ководил Андрей Дмитриевич) поистине кипела, и вместе с этим частенько кипели и чайник с крепчайшим чаем, и кастрюля с картошкой в мундире. Были такие эксперименты, что нужно было вести круглосуточные наблюдения (например, аспирантам И.М. Рахматулину, И.П. Гараниной), а один из любимых учеников Андрея Дмитриевича Александр Михайлович Хомяков вообще перебрался жить на кафедру. Я с благодарностью вспоминаю Александра Михайловича. Он был очень внимателен к нам, начинающим аспирантам. Будучи очень эрудированным человеком, он частенько помогал нам советами по литературе, методике, а иногда служил и громоотводом, когда шеф сердился на нас за нерасторопность, рассеянность и допущенные ошибки. Андрей Дмитриевич был горячего нрава, особенно в молодые годы (а это как раз годы его жизни в Казани). В Москве он стал более сдержанным по характеру. Почувствовав приближение “грозы”, Александр Михайлович мелкими шажками бежал к кабинету Андрея Дмитриевича и, тайком перекрестившись, исчезал там. Из кабинета был слышен только шум — крики Андрея Дмитриевича и бормотание оправдывающегося Александра Михайловича. Через пять минут все стихало — Андрей Дмитриевич был отходчив, и мы, облегченно вздохнув, вновь принимались за свои опыты.

20-летний период работы Андрея Дмитриевича в Казани оставил яркий след в жизни медицинской общественности. Врачи, вовлеченные в те годы в орбиту научных изысканий А.Д. Адо, очевидно, помнят, что в его лабораториях свет горел круглосуточно. Опыты велись и вечерами и ночами. Заканчивалась дневная работа — лечебная, преподавательская, общественная, а затем вечерами можно было без всяких помех заниматься наукой. Определив тему работы, Андрей Дмитриевич ни на одну минуту не забывал ни об одной из них, требовал ежедневного отчета о полученных результатах и “прыгал до потолка” (по выражению ближайшей его помощницы Ирины Алексеевны Массино), если получались интересные результа-

ты, требовал повторения и подтверждения. Если что-то в опытах не клеилось, то он вместе с нами искал источник неудачи, придумывал новые подходы и варианты опытов.

На кафедре и в лабораториях царил атмосфера дружбы, взаимного уважения, доверия и постоянного научного поиска. Каждый был готов прийти на помощь коллеге, если у него что-либо не ладилось, вместе обсуждались результаты опытов — удачи и неудачи. Работали заинтересованно и с энтузиазмом. Именно из этих энтузиастов выросли известные ученые, вставшие во главе научных коллективов и продолжающие то направление исследований, которое было заложено А.Д. Адо: профессора М.А. Ерзин, А.И. Малинин, М.И. Ундритов, Л.М. Ишимова, Т.В. Толпегина, И.М. Рахматуллин, И.П. Гаранина, Д.М. Зубаиров, И.Д. Неклесова, Г.Х. Гильманова и многие другие.

Оригинальными направлениями исследований казанского периода деятельности А.Д. Адо являются изучение функций клеточных мембран на примере аллергической альтерации эритроцитов, механизмов аллергических реакций гладкомышечных органов, роли нервной системы в аллергических реакциях, гуморальных механизмов аллергии (ацетилхолин-холинэстеразная система). В казанский период работы были получены первые результаты в области аутоаллергии, были начаты исследования по проблемам выделительного иммунитета. Круг научных интересов А.Д. Адо был настолько широк, что, конечно, невозможно о них рассказать в одной небольшой статье. Его интересы не ограничивались лишь теоретическими проблемами, его всегда привлекали клинические аспекты развиваемых теоретических изысканий, что было характерной чертой А.Д. Адо как ученого и руководителя, создавшего самую большую в нашей стране школу патофизиологов и аллергологов. В числе учеников А.Д. Адо много клиницистов самых разных специальностей. Из представителей казанской школы мне хочется назвать хирургов Н.П. Медведева, М.С. Сигала, терапевтов Н.Н. Ковязина и В.Н. Смирнова, инфекционистов Е.Н. Короваева,

Д.К. Баширову, А.Е. Резника, дерматологов Г.Г. Кондратьева и В.С. Сергеева.

Андрей Дмитриевич проработал в Казани более 20 лет. В 1945 г. он был избран чл.-корреспондентом Академии медицинских наук, и после этого к нему стали поступать предложения переехать в Москву для руководства каким-либо институтом или лабораторией. Принцип “отсасывания мозгов” из периферии в центр существовал тогда не только в США, но практиковался и в нашей стране. Я знаю, что Андрей Дмитриевич долго колебался, предвидя те интриги и осложнения, которые могли возникнуть в Москве. Кроме того, он не хотел оставлять вуз — он был прекрасным лектором, любил работу с молодежью. Он переехал в Москву только в 1952 г., когда освободилась кафедра патологической физиологии во 2-м Московском медицинском институте.

Как и предвидел Андрей Дмитриевич, московская научная элита приняла его не очень ласково, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что, будучи единогласно избранным чл.-корреспондентом АМН СССР в 1945 г., он стал действительным членом этой академии только 20 лет спустя — в 1965 г. К тому времени он уже был почетным членом нескольких зарубежных академий, имел сотни публикаций в советских и зарубежных изданиях, написал более десяти монографий, несколько учебников и учебных пособий, был главой самой крупной школы патофизиологов в стране. Под его руководством было выполнено более 50 докторских и 100 кандидатских диссертаций, и он был признанным ученым не только в советской, но и в мировой науке. Но ученые мужи АМН, расхвалив его кандидатуру при открытом обсуждении претендентов, при тайном голосовании вычеркивали его имя из избирательного бюллетеня. Он прошел в действительные члены АМН СССР только с четвертого раза. Это, конечно, огорчало Андрея Дмитриевича, но не обескураживало.

В Москве А.Д. Адо продолжал работать с еще большим размахом. Первоочередной своей задачей он считал обучение и воспитание студенческой молодежи, а также подготовку практических врачей. Став заведующим кафедрой па-

Рис. 2. Академики АМН СССР А.Д. Адо и Н.Н. Сиротинин среди сотрудников кафедры патофизиологии Казанского мединститута в 1974 г. Сидят слева направо: М.М. Миннебаев, Т.Б. Толпегина, И.Х. Канцеров, А.Д. Адо, Н.Н. Сиротинин, А.И. Сабитова, М.А. Ерзин.

тофизиологии 2-го Московского медицинского института, Андрей Дмитриевич в значительной мере перестроил всю ее деятельность, направив на решение наиболее актуальных проблем патофизиологии с помощью новейших иммунологических, энзимо-химических, электрофизиологических и других методов исследований. Кардинально был перестроен и учебный процесс — создан новый практикум, в котором отводилось большое место самостоятельным экспериментам студентов. Лекции сопровождались демонстрацией опытов на животных, учебных фильмов, создаваемых силами сотрудников кафедры.

В 1961 г. А.Д. Адо организовал первую в СССР Научно-исследовательскую аллергологическую лабораторию — НИАЛ АМН СССР, возглавив организацию и развитие практической аллергологии в нашей стране. Стыдно отметить, но к этому времени среди всех европейских стран только в СССР не было практической аллергологической службы. Андрею Дмитриевичу стоило огромного труда пробить непомерно инертную бюрократическую машину системы здравоохранения и создать наконец в большинстве крупных городов эту службу. Также непомерными усилиями была организована кафедра аллергологии в Центральном институте усовер-

шенствования врачей в Москве — нужно было готовить кадры аллергологов. Их подготовка не предусматривалась ни в каких учебных программах. К чести казанской школы трудами проф. Т.Б. Толпегиной и Р.Х. Бурнашевой кафедра аллергологии в Казанском ГИДУВе была организована раньше, чем в Москве, а позже от нее отпочковалась кафедра детской аллергологии (зав. — проф. А.М. Потемкина), которая в настоящее время является единственной в системе усовершенствования врачей. Институт же аллергологии так и не был создан.

НИАЛ практически выполнял функции центрального института — сюда потянулись со всех тогда еще союзных республик, со всех больших городов молодые врачи-аллергологи, проводились конференции, симпозиумы, издавались научные труды. Андрей Дмитриевич возглавил вторую крупную научную школу — школу аллергологов. Под его руководством была развернута работа по изучению аллергической заболеваемости во многих районах нашей страны, в различных климато-географических зонах (высокогорье, морские побережья, центральные районы СССР и др.). Были организованы специальные экспедиции сотрудников НИАЛ, появились первые медико-географические

Рис. 3. Академики АМН СССР А.Д. Адо и Н.Н. Сиротинин и ученики А.Д. Адо на II Всесоюзном съезде патофизиологов (Ташкент, октябрь 1976 г.). Первый ряд слева направо: проф. Л.М. Ишимова (Москва), А.Д. Адо, Н.Н. Сиротинин (Киев), проф. М.А. Ерзин, проф. Т.Б. Толпегина. Второй ряд: проф. И.М. Рахматуллин, ст.н.сотр. Н.А. Уварова, доц. И.Х. Канцеров, проф. И.П. Гаранина (Астрахань), проф. И.С. Гушин (Москва). Третий ряд: проф. В.И. Пыцкий (Москва), проф. А.Х. Канчурин (Москва), проф. М.М. Хакбердыев (Ташкент), проф. Б.М. Полушкин (Барнаул), асс. В.С. Курмангалиев (Москва).

описания заболеваемости бронхиальной астмой, поллинозами и другими аллергическими болезнями.

Для практической аллергологии, в частности диагностики и специфической терапии, были необходимы аллергены. В то время их не было в нашей стране. Усилиями Андрея Дмитриевича и сотрудников НИИАЛ были разработаны нормативы для производства многих важнейших групп аллергенов (пылевые, пыльцевые, пищевые, бактериальные и др.). Благодаря этому аллергены были внедрены в практику специализированной аллергологической службы нашей страны для диагностики и лечения аллергических болезней.

Естественно, в одной статье невозможно оценить все стороны многогранной, богатой идеями и событиями жизни Андрея Дмитриевича Адо. Детального освещения требуют такие аспекты его деятельности, как А.Д. Адо — педагог (блестящий лектор, реформатор учебных программ, автор многочисленных учебников и учебных пособий, фильмов, таблиц и пр.), А.Д. Адо — ученый-философ, в многочисленных своих трудах развивающий вопросы учения

о здоровье и болезни. Итогом многолетних размышлений ученого в области философии медицины явилась его последняя монография “Вопросы общей нозологии”. В этом фундаментальном труде в историческом аспекте рассмотрены прошлые и современные концепции природы и сущности болезни, особенности болезни человека с диалектико-материалистических позиций опосредования его биологических качеств социальными факторами.

А.Д. Адо всегда был противником построения единой теории медицины. Тем большее значение имеют его работы, представляющие отправные точки развития ряда важных научных направлений в области патологии: учение об антигенах как чрезвычайных раздражителях нервной системы, роли нервных механизмов в развитии аллергических реакций, гипотеза о полиэргических медиаторных механизмах аллергических реакций клеток, исследования неспецифических показателей состояния повреждения клеток и др.

Ныне идеи Андрея Дмитриевича развиваются в трудах его многочисленных учеников и последователей.

Проф. Л.М. Ишимова (Москва)